«Сириус! Ремус! Ты сделал это!» – с облегчением воскликнул Гарри, расплывшись в широкой ухмылке, увидев сначала своего крестного отца, а затем Ремуса, толпящихся в кабинете Дамблдора, чтобы присоединиться к его родителям. — Значит, никаких побочных поездок, Сириус?

"А? Что?" — спросил Сириус, звуча озадаченно. — Побочные поездки?

Улыбка Гарри стала шире — неужели Сириусу даже в голову не пришло по глупости рвануть за Червехвостом в одиночку? Он открыл было рот, чтобы объяснить, но Сириус оборвал его: «Погоди! Почему ты связан?» когда его разум наконец зарегистрировал сцену перед ним.

Гарри вздохнул, его разочарование текущей ситуацией просачивалось наружу. — Видимо, ты слишком доверчив, Сириус, — объяснил он, — Мои родители хотят дать мне дозу Веритасерума; директор соглашается…

"Сыворотка правды!" — воскликнул Сириус, забыв все вопросы о боковых поездках. — Зачем им сыворотка правды?

«Конечно, чтобы убедиться в правдивости рассказа мистера Поттера и мисс Лавгуд, — ответил Дамблдор, — если вы с Ремусом присядете, мы сможем начать».

Сириус выглядел готовым продолжить спор — Гарри улыбнулся, узнав, что кто -то на его стороне, хотя это вызвало вопросы о том, почему его крестный так яростно противился этой идее, — но Ремус успокаивающе положил руку ему на плечо. «Хватит, Сириус. Директор прав. Если ты прав и он говорит правду, Veritaserum подтвердит это, если нет…»

Сириус продолжал ворчать — что-то о вторжении в частную жизнь — но сел .

Дамблдор проигнорировал ворчание и благосклонно улыбнулся, его глаза мерцали, когда он снова обратил внимание на Гарри: — Вы готовы, мистер Поттер?

Гарри нервно сглотнул, повернувшись в последний раз, чтобы встретиться взглядом с родителями, надеясь увидеть хоть какой-то признак того, что они передумали и решили поверить ему; он не нашел то, что искал.

Вместо этого в его животе поселилось неприятное чувство. Приняв решение, он повернулся к директору и кивнул. Если прием Веритасерума был тем, что требовалось, чтобы завоевать доверие его родителей, он был готов это сделать.

Дамблдор достал из верхнего ящика стола пузырек с прозрачной жидкостью и подошел к Гарри. Собравшись с духом, юный волшебник без просьбы открыл рот и позволил трем каплям зелья попасть себе на язык.

Он начал работать в течение нескольких секунд. Зелью не хватало тонкости Властного проклятия, но, в отличие от Империо , Гарри обнаружил, что не может сопротивляться его воздействию. Он лишь смутно осознавал, что директор предостерегает остальных от прерывания допроса, слишком занятый непреодолимым принуждением, чтобы быть полностью и сразу же честным во всем .

Пока никто не задавал никаких вопросов, он едва мог контролировать свое желание. Но в тот момент, когда Дамблдор спросил его имя, ответы посыпались бессознательно.

Его разум едва уловил вздох Лили от удивления — или это было недоверие к его ответу? Он был слишком занят, отвечая на следующий вопрос.

И так продолжалось — вопрос за вопросом, и у Гарри не было времени подумать. Однако это были простые вопросы, выбранные для того, чтобы быстро убедиться, что Гарри был тем, за кого себя выдавал, а не агентом Темного Лорда. И действительно, весь допрос не мог длиться более пяти минут. Тем не менее, Гарри испытал облегчение, когда все наконец закончилось, директор замолчал, а путы на его лодыжках и запястьях растворились.

Судя по всему, Луна тоже: «О, спасибо! Так намного лучше, директор!» — воскликнула она. «Можно мне лимонный щербет теперь, когда мои руки свободны? Мне очень нравится бодрящее зелье, которое ты обычно смешиваешь с ними».

У Гарри не было возможности услышать ответ Дамблдора; в следующий момент его одолела судорожная головная боль, поскольку все остальные восприняли молчание директора как разрешение начать задавать вопросы. Они заговорили все одновременно, слишком быстро, чтобы он мог связно ответить, хотя он и пытался: «Я… Он… Оно… Нет… Мы… Когда…»

— Разве ты не видишь, что делаешь ему больно! Голос Луны прорвался сквозь подавляющую свалку вопросов.

Тишина. Вопросы прекратились так же внезапно, как и начались.

Когда его головная боль утихла, Гарри открыл глаза — он не помнил, чтобы закрывал их — и окинул взглядом открывшуюся перед ним сцену. Младенец еще спал — как он не знал, — но все остальные сидели на краешке своих кресел. Они молчали, но было совершенно очевидно, что у них еще много вопросов, которые они хотели задать.

Напряжение вопросов без ответов было ощутимым. Наконец директор заговорил, нарушив неловкую тишину: «Я предупреждал вас всех, что действие Веритасерума заставит нашего юного гостя отвечать на все вопросы подробно и немедленно. Неспособность подчиниться весьма болезненна, как вы только что видели». Его глаза сверкнули, когда он добавил: «Возможно, будет лучше, если мы позволим ему рассказать свою историю в своем собственном темпе».

Вернувшись в ящик стола, он вытащил второй флакон, на этот раз с мутно-желтым зельем, который передал Гарри. «Противоядие, — объяснил он, — это флакон на одну дозу».

Гарри с благодарностью принял его и выпил весь флакон одним глотком, вздохнув с облегчением, когда почувствовал, что принуждение Веритасерума исчезает почти сразу. «Спасибо, директор», — он оглянулся на своих родителей, замечая смешанные эмоции, отражавшиеся на их лицах — по крайней мере, они больше не были враждебными. "Так как далеко назад мне нужно начать?" — спросил он. — Все здесь слышали «пророчество»?

Гарри не особо удивился, когда Дамблдор в ответ покачал головой. — Слышал о «пророчестве»? он попытался снова.

На этот раз Гарри почувствовал прилив раздражения, когда директор в очередной раз ответил отрицательно. — Даже Лили и Джеймс? он спросил.

Когда Дамблдор покачал головой в третий раз, Гарри почувствовал прилив не только раздражения, но и гнева. — Ты даже не сказал моим родителям, почему Волдеморт преследовал нас? — обвинил он, пытаясь совладать со своим гневом. — Что ты им сказал ?

«Только то, что ваша семья стала мишенью Волдеморта и что для военных действий было крайне важно, чтобы они оставались в бегах». Если Гарри и надеялся на извинения, то их не получил. — Это все, что им нужно было знать.

— Понятно… — сказал Гарри жестко. Потребовалось мгновение, прежде чем он смог достаточно успокоиться, чтобы продолжить: «Ну, тогда, я полагаю, здесь начинается эта история… Ты хочешь рассказать им или мне?»

Когда Дамблдор отказался предоставить какую-либо информацию, Гарри продолжил: «Год назад профессор Дамблдор услышал то, что он считал пророчеством», — начал он. Не обращая внимания на реакцию директора на выбранные им слова, он начал сначала повторять «пророчество» Трелони, а затем объяснять, почему он думал, что это самоисполняющаяся куча дерьма.

Затем он рассказал несколько ярких моментов о своем детстве — Лили очень сильно возражала, когда услышала, что он жил с Дурслями, что привело к тому, что Сириус спросил, где он был и почему не был дома. взял в себя своего крестника. Старший волшебник недоверчиво рявкнул, когда Гарри объяснил, что он был в Азкабане, протрезвел только после того, как Гарри объяснил почему , выявив всю степень предательства Червехвоста.

Сокращенный отчет Гарри о его студенческих годах в Хогвартсе также вызвал большой ужас. Но поскольку ни его детство, ни годы в Хогвартсе не были в центре его рассказа, он отказался отвечать на какие-либо вопросы, кроме пары вопросов о них. Вместо этого он сосредоточился на рассказе о своей охоте за хоркруксами Волдеморта, финальной битве — особенно о количестве погибших — и причинах, по которым он применил Ритуал выбора Мерлина, пропустив большую часть их путешествия.

К концу рассказа Гарри выражение лица директора было нарочито пустым, а глаза перестали мерцать. Остальные — за исключением Луны, которая слышала почти все это раньше и пережила все остальное — в основном выглядели потрясенными и ошеломленными, с элементами замешательства, печали, неверия и ужаса. Им потребуется некоторое время, чтобы усвоить то, что им только что сказали.

Сегодня вечером было не время планировать нападение на хоркруксы Волдеморта, как бы Гарри этого ни хотелось. Так что, когда Лили предложила всем немного отдохнуть и продолжить обсуждение на следующий день, Гарри не стал возражать. Не жаловался он и на то, что сначала Ремус, а потом Сириус ушли через камин, хотя отчаянно хотел догнать их обоих.

Джеймс, похоже, тоже был готов пройти через камин, но Лили задержалась, нерешительно приблизившись к Гарри, как будто неуверенная, имеет ли она все еще право спросить: «Итак, где ты остановился сегодня на ночь?» спросила она.

— Не знаю, — честно ответил Гарри. Он и Луна особо не обсуждали жилье, когда планировали поездку; он как бы предполагал, что они останутся с Поттерами. Но это было до того, как его оглушили, связали, допросили, но не поверили ни единому его слову, держали на острие палочки — снова отказались верить ни одному сказанному им слову — снова связали его — снова левитировали. крутил его, как мешок с картошкой, а потом, наконец, влил ему сыворотку правды…

Так что вместо того, чтобы озвучить свое тайное желание, он поймал себя на том, что отвечает: «Возможно, мы вернемся в Визжащую Хижину. Она должна достаточно хорошо убираться без особых усилий. Если нет, всегда есть Требуемая Комната».

Лили покачала головой, на удивление яростно возражая: «Ни один из моих сыновей не будет ночевать на корточках в захудалой лачуге с привидениями. Вы двое можете остаться с нами».

«Ты ведь знаешь, что на самом деле здесь нет привидений?» вырезал Джеймса.

«Привидения или нет, это все равно свалка! Я действительно должен настаивать».

— Мы бы не хотели навязываться, — сказал Гарри, страх быть отвергнутым внезапно заставил его настороженно относиться к предложению.

«Это не будет навязыванием. Пожалуйста, для моего спокойствия», — практически умоляла она.

— А моя, — добавил Джеймс, — я уверен, что она не даст мне спать всю ночь своими заботами, если ты откажешься.

Гарри посмотрел на Луну, чтобы узнать ее мнение; она кивнула. Итак, он смягчился. «Если вы уверены», сказал он, все еще колеблясь.

«Да», настаивала Лили, «и пока мы говорим о навязывании, я знаю, что мы не очень хорошо начали, но…» она заколебалась, «Пожалуйста, называйте меня мамой».

«Ты держал меня на острие палочки и держал меня связанным большую часть вечера». Он хотел, действительно хотел, но часть его все еще помнила чувство предательства и беспомощности, которые он испытал той ночью, когда так отчаянно хотел обнять ее, но не мог. — Называть тебя мамой не кажется хорошей идеей.

Разочарование промелькнуло на лице Лили: «Я сожалею об этом, я действительно сожалею, но вы должны признать, что ваша история довольно невероятна», сказала она, «Вы бы поверили в это, если бы вы были нами? Это опасные времена и у нас есть ребенок, которого нужно защищать».

Гарри колебался, но если он был абсолютно честен с самим собой, то нельзя было отрицать, что она была права. Наконец он кивнул: «Я понимаю… Му-мам», ему было трудно произнести последнее слово.

Лили улыбнулась: «Хорошо».

Она наклонилась, чтобы забрать своего маленького сына из колыбели, где он еще спал. «Адрес каминной печи — Коттедж Поттера», — добавила она, шагая сквозь себя с маленьким Гарри на руках. Следующим пошел Джеймс, а за ним Луна.

Гарри шел последним, спотыкаясь из-за огня как раз вовремя, чтобы услышать, как Джеймс спросил Луну: — Итак, одна комната или две? Раньше ты так и не ответила на мой вопрос…

— Какой это был вопрос? — перебил Гарри, хотя и подозревал, что знает ответ.

— Вы пара или нет? — спросил Джеймс. — Знаешь, это имеет значение для сна.

Гарри покачал головой: «Мы просто хорошие друзья; Луна — мой самый близкий друг, который пережил войну…» Он пропустил выражение разочарования, мелькнувшее на лице Луны, «Но тебе не нужно беспокоиться о комнате. мы раздельно; последние четыре недели мы живем в одной палатке…"

«Чепуха, зачем делить комнату с женщиной, с которой ты не спишь, если тебе это не нужно?» — спросил Джеймс, а затем добавил заговорщицким шепотом: — Если только ты не надеешься переспать с ней, в таком случае больше ничего не говори…

Луна улыбнулась его предложению, но Лили была менее воодушевлена этой идеей, если судить

по тому факту, что она шлепнула мужа по руке в ответ. — Только за это ты превратишь диван в кровать, а я покажу Луне комнату для гостей.

Она топнула прочь, даже не проверив, следует ли за ней Луна.

«В любом случае она сама бы этого не сделала», — признался Джеймс после того, как она ушла. «Она в штанах на Трансфигурации».

Лили снова заглянула в комнату: «Я слышала!»

Как только двое мужчин снова остались наедине, Джеймс приступил к превращению дивана в кровать, пытаясь вовлечь сына в разговор, пока тот работал. Он был лишь частично успешным. Хотя Гарри был готов признать, что тот факт, что он назвал Луну своим «ближайшим другом, пережившим войну», означал, что он потерял многих близких друзей, он отказался обсуждать этот вопрос более подробно, чем собирался. уже дано в кабинете директора; список был слишком длинным, а боль все еще слишком острой.

Пару раз он чуть не потерял самообладание. Но в конце концов Джеймс получил сообщение и сдался, хотя и не без добавления: «Я знаю, что ты почти не знаешь меня, и я понимаю, что тебе неудобно говорить со мной о своих чувствах, но предложение Лили, сделанное ранее, касается и меня… Я имею в виду… — он запнулся на словах, — Пожалуйста, не стесняйтесь называть меня папой, если хотите.

Гарри смущенно улыбнулся и кивнул. «Спокойной ночи, папа», — пробовал он слова, заползая в трансфигурированную кровать.

«Спокойной ночи, сынок».

— Знаешь, я впервые такое говорю… — слова вырвались едва слышным шепотом… Но Джеймс все равно его услышал…

http://tl.rulate.ru/book/82909/2635754